
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 343(3+5)

DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(1).139-150

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕСПЧ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.В. Арановский, С.Д. Князев

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 декабря 2016 г.

Дата принятия в печать –

22 декабря 2016 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2017 г.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, постановления ЕСПЧ, обязательность и исполнимость судебных решений, коллизии, правовое значение решений ЕСПЧ в рамках российского правопорядка

Статья посвящена исследованию правовой обязательности решений ЕСПЧ в соотношении с вытекающим из Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод требованием исполнения содержащихся в них предписаний (мер) индивидуального и общего характера. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ авторы приходят к выводу, что Российская Федерация должна предпринимать все зависящие от неё усилия для исполнения окончательных постановлений Страсбургского Суда, что, однако, не освобождает российские власти от безусловного соблюдения собственной Конституции и, как следствие, может препятствовать исполнению таких постановлений в случае выявления их противоречия Конституции России.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE EXECUTION OF THE ECtHR JUDGMENTS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Konstantin V. Aranovskiy, Sergey D. Knyazev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Article info

Received – 2016 December 12

Accepted – 2016 December 22

Available online – 2017 March 20

Keywords

The Constitution of the Russian Federation, The Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, ECtHR judgments, binding force and enforceability of court decisions, collisions, legal meaning of the ECtHR decisions within the framework of Russian legal order

The article studies binding legal force of the ECtHR decisions in relation to the arising from the Constitution of the Russian Federation and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms requirement demanding execution of measures of individual and general character. The authors analyze the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the binding nature of ECtHR judgments. The authors note that, in assessing the nature of the decisions of this Court, their influence on the Russian legal system, it is important to take into account the fact that the legal effect of its decisions is not limited only to decrees adopted in the cases on the appeals against the Russian Federation. The article emphasizes, the Constitutional Court of the Russian Federation has never denied the role and importance of the ECtHR decisions in the Russian legal system, their commitment and the need of execution addressed to the Russian authorities of the individual measures, confidently and consistently perceiving the rights and freedoms of a person in the essential constitutional-Convention unity. The main difficulties of implementation or, as they say, domestication (domestication) of the Convention's provisions for Russia are connected not with the Convention itself and its interpretation in the decisions of the ECtHR. These difficulties are not sustainable and ambitious nature. Based on the analysis of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECtHR, the authors come to the conclusion that the Russian Federation shall make all possible efforts for the execution of final judgments of the Strasbourg Court which, however, does not

relieve Russian authorities from the unconditional compliance with the Constitution and which, in its turn, as a consequence, may hinder the execution of such judgments in case of their contradiction to the Constitution of Russia.

Обсуждение вопроса об обязательности решений ЕСПЧ, в том числе в российской правовой системе, выглядит, на первый взгляд, несколько странно. Если помнить, что российский народ принимал Конституцию РФ исходя из осознания себя частью мирового сообщества и вытекающей из этого ответственности за соблюдение прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, которые входят в правовую систему Российской Федерации вместе с ее международными договорами (преамбула, ст. 15 (ч. 4), 17 (ч. 1)), то нельзя всерьез сомневаться в том, что окончательные постановления этого суда имеют обязательную силу. Юридическая природа его решений, императивное значение изложенных в них предписаний, необходимость их исполнения не встречают весомых и тем более системных возражений в академической и профессиональной среде [1–5].

Иное, наверное, нельзя и представить, ибо обязательность данных судебных актов имеет нормативным основанием вполне определенные положения, зафиксированные и в актах международного права, и в праве национальном. В первую очередь это подтверждается ст. 46 («Обязательная сила и исполнение постановлений») Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая возлагает на договаривающиеся стороны обязательство исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по любому делу, в котором они выступают сторонами (п. 1), и тем самым наделяет его постановления свойством *res judicata*. В совокупности с фундаментальным общеправовым принципом *pacta sunt servanda*, закрепленным в ст. 26 Венской Конвенции о праве международных договоров, где участвует и Россия, это, казалось бы, исключает любые колебания насчет обязательности решений Страсбургского Суда.

Директивность решений ЕСПЧ подразумевает и сама Конституция РФ, как это следует из её ст. 46 (ч. 3), гарантирующей каждому возможность в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите

прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Понятно, что такие обращения имеют смысл, если вынесенные по ним решения пользуются признанием и подлежат исполнению; иначе обещанное конституционное право теряет реальный смысл и переходит в область деклараций.

Говоря об обязательности судебных постановлений, важно иметь в виду, что без неё полноценная судебная защита немыслима ни в Страсбургском Суде, ни в Конституционном и Верховном судах России, впрочем, как и во всех других судах. ЕСПЧ в своей практике последовательно держится того мнения, что справедливый суд с необходимостью предполагает признание обязательной силы, а также исполнение судебного решения, без которых правосудие теряло бы свое подлинное предназначение. По мнению ЕСПЧ, право на суд, гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, было бы иллюзорным, если бы внутригосударственное законодательство позволяло окончательному, имеющему обязательную силу судебному решению оставаться неисполненным; трудно предположить, что п. 1 ст. 6 Конвенции подробно описывал предоставленные сторонам процессуальные гарантии справедливого, открытого и безотлагательного судебного разбирательства, не защищая исполнение судебных решений; толкование Конвенции исключительно с точки зрения доступа к суду и проведения судебного разбирательства несовместимо с принципом верховенства права; исполнение решения, вынесенного судом, должно рассматриваться составной частью «судебного разбирательства»¹. Схожим образом и Конституционный Суд РФ считает исполнение судебных решений «неотъемлемой частью суда». Из целого ряда постановлений Конституционного Суда следует, что защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется; исполнение судебного решения является элементом судебной защиты, что обязывает федерального законодателя создавать надлежащий механизм исполнительного производ-

¹ Постановления ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции», от 18 мая 2004 г. по делу «Продан (Prodan) против Молда-

вии», от 6 ноября 2005 г. по делу «Шиляев против России», от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» и др.

ства и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения². Верховный Суд РФ определяет исполнение судебных решений как составной элемент «судебного разбирательства»³. Всё это свидетельствует в пользу того, что отсутствие у судебных актов обязательной силы обесценивает саму судебную защиту и приближает ее к ненужным формальностям, похожим на самодостаточные, пустые бюрократические процедуры.

Применительно к обязательности постановлений ЕСПЧ Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на следующее. Во-первых, Европейская Конвенция является составной частью правовой системы России, а потому компетентные власти России обязаны исполнять постановление ЕСПЧ, вынесенное против нее на основании конвенционных положений по жалобе в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного спора (дела). Во-вторых, реализация предусмотренных постановлением ЕСПЧ мер должна осуществляться в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ на началах признания этого постановления имеющим правоприменительный приоритет перед применением национальных законов. В-третьих, исполнение окончательных постановлений ЕСПЧ по делам против России в части, констатирующей нарушение конвенционных прав того или иного лица и присуждающей ему справедливую компенсацию, не лишают такое лицо возможности обратиться в компетентный российский суд за пересмотром судебного акта, послужившего поводом для жалобы заявителя в ЕСПЧ. В-четвертых, воздействие ЕСПЧ на российскую правовую систему не исчерпывается его прямой ролью в защите прав и свобод человека по конкретным делам; интересы общеевропейского понимания и соблюдения прав человека объективно предопределяют потребность и значимость его деятельности по выявлению структурных недостатков, в том числе связанных с состоянием национального законодательства, и предложению способов их устранения, что налагает на Российскую Федерацию обязанность вдумчиво и конструктивно реагировать на меры об-

щего характера, которые полагает необходимыми ЕСПЧ⁴.

Оценивая природу постановлений ЕСПЧ, их влияние на правовую систему России, важно учесть и то, что юридический эффект его решений не ограничен лишь постановлениями, принятыми в делах по обращениям против Российской Федерации. Решения Страсбургского Суда, принятые по делам с участием других государств, формально не обязывают Россию их исполнять, но содержат изложение позиций ЕСПЧ относительно толкования и применения конвенционных положений. Российские власти вряд ли могут себе позволить оставаться к ним безразличными, ибо не исключено, что по делам с участием России эти позиции возымеют силу в обязательном для нее решении. К тому же официальное и компетентное толкование Конвенции само по себе требует уважения, если государство в ней участвует. Пренебрегая им, правовая система России стала бы на путь самоизоляции, отталкивая свое законодательство и правоприменение от участия в «динамическом осмыслении» конвенционных стандартов защиты прав и свобод человека, как их видит Страсбургский Суд, что сильно осложнило бы согласование практики национального правосудия с правосудием европейским [6].

Конституционный Суд РФ никогда не отрицал роль и значение решений ЕСПЧ в правовой системе России, их обязательность и необходимость исполнения адресованных российским властям мер индивидуального характера, уверенно и последовательно воспринимая права и свободы человека в сущностном конституционно-конвенционном единстве. Именно так можно понять его позицию, изложенную, в частности, в Постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П, где лояльность российского конституционного правосудия призвана не только к решениям ЕСПЧ в их постановляющей части, но и касается общих правовых позиций («прецедентов») Суда и даже мер общего характера, притом что право ЕСПЧ распоряжаться общим образом насчет государства-участника и его законодательства, когда соответ-

² Постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 июля 2005 г. № 8-П, от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 10 марта 2016 г. № 7-П и др.

³ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного

права и международных договоров Российской Федерации»; пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней».

⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 6 декабря 2013 г. № 27-П, от 14 июля 2015 г. № 21-П и др.

ствующие предписания выходят, например, за пределы индивидуальной жалобы, не выглядит очевидным и не все считают его бесспорным.

Учтем и то, что в соответствии с Европейской Конвенцией деятельность ЕСПЧ представляет собой дополнительное – субсидиарное – средство защиты прав и свобод человека, поскольку главное бремя их соблюдения и обеспечения несут власти государств-участников и национальные правовые системы. Дело не в том, разумеется, что их верность свободе и качеству предоставляемой защиты превосходят международную юрисдикцию, что они безупречны, вполне надежны и последовательны в исполнении правозащитной миссии, а всего лишь в том, что кроме них с этим некому справиться в национальных границах, даже международным судам. Права и свободы получают судебную защиту уже довольно давно, во всяком случае задолго до учреждения международных судов; и до сих пор иные из народов, в Северной Америке например, держатся в стороне от международного правосудия и полагаются на свое, несовершенно конечно, как, впрочем, любая юстиция, не исключая конвенционно-европейскую. Не случайно ст. 1 Конвенции фокусирует внимание на том, что именно государства-участники принимают на себя обязательство обеспечения каждому, находящемуся под их юрисдикцией, прав и свобод, установленных данной Конвенцией. Страсбургский Суд и сам неоднократно отмечал данное обстоятельство, полагая, что государства *a priori* обладают «свободой усмотрения» (*margin of appreciation*) применительно к выбору средств и способов обеспечения и защиты прав и свобод, охраняемых Конвенцией. Это, разумеется, обязывает ЕСПЧ уважать своеобразие правовых систем конкретных государств и быть предельно корректным (тактичным) в оценке сложившихся в них подходов к законодательному и, тем более, конституционному решению различных правовых проблем [7, с. 64–67].

С этим бременем выбора и ответственности участники Конвенции даже при полной лояльности своим обязательствам не могут отвлечься от сопутных издержек, ограничений и не вправе расточать ресурсы и средства принуждения, доступные национальным властям, чтобы оправдать влиятельные европейские ожидания любой ценой, невзирая на демократические и судебные процедуры, обстоятельства исторического времени, в опасном столкновении с этическими тяготениями, социальными рефлексиями и просто предрассудками множества граждан. Небрежность в рисках, неуважение к со-

стоянию правовой среды чреватой общим расстройством национальной правовой системы до конституционных ее основ, когда государство просто уже не способно участвовать в правозащитных пактах и конвенциях. Это всего вероятнее при опережающей лояльности к убеждениям и предчувствиям, которые время от времени кто-нибудь «дистиллирует» из Конвенции и предлагает в очень свободной интерпретации как общий и обязательный стандарт, неважно, состоялся ли он в конвенционных обязательствах или длительном соблюдении. Такая чрезмерность питается не только конъюнктурой и синдромом неполноценности, который встречается иногда среди новых адептов правозащитного дела, но и мечтательной фантазией, когда так много напористого энтузиазма и величием больших идей так дорожат, что перед ними меркнет проза действительности и ей, постылой, уже не сдобровать. Эту склонность давно уже заметил М.Е. Салтыков-Щедрин в «административном восторге» и «начальстволубии», как и Ф.М. Достоевский – в тех благодетелях человечества, которые мир готовы «поджечь с четырех концов», если он не желает следовать идеалам правильного совершенства. И хотя человечеству крепко досталось от «пагубной самонадеянности», как писал о ней Ф.А. фон Хайек, мечтательные крайности всё равно имеют много деятельного сочувствия, особенно среди тех, кому участие в общем благоустроении обещает высокое влиятельное положение. Как тут не упомянуть, что в юридической доктрине всё настойчивее раздаются голоса в пользу того, что на смену традиционному национальному (государственному) конституционализму должна прийти всеобъемлющая (наднациональная) конституция, которая будет утверждать независимый правопорядок, ориентированный на обеспечение универсального общественного блага, базирующегося не на договорных обязательствах государств, а на собственных конституционных ценностях, легитимизируемых независимо от их согласия [8].

И было бы, наверное, слишком оптимистично полагать, что подобные течения бродят лишь в национальном праве отдельных государств и никак не задевают саму европейскую систему защиты прав и свобод. Кое-что в интерпретациях и решениях, включая акты конвенционного правосудия, кажется иногда столь опережающим и заблаговременным, настолько отвлеченным от национальной реальности и от самой Конвенции, что это приближает иные из государств к безнадежному «диссидентству», где несогласие или неготовность соответствовать ставит участника едва ли не в положение

парии, которую то ли терпят в конвенционной системе скрепя сердце, то ли держат из последних сил, ждут неприятных эксцессов и чуть ли не выхода из Конвенции.

Разумеется, если поведение участника открыто не согласуется или выглядит безнадежно несовместимым с конвенционными положениями и с их авторитетными судебными интерпретациями, то объяснения и причины справедливо искать прежде всего в конвенционной нелояльности. Но, обсуждая такие риски, вряд ли можно обойтись простым порицанием тех, кому плохо дается покорность неожиданным истолкованиям конвенционных обязательств и кто не справился с их непредвиденным бременем. Может быть, иногда внимания заслуживает и сама конвенционная нагрузка, как она представлена в истолкованиях, особенно в судебном, включая процессуальную или материальную состоятельность решений, вменяемых участникам, объем и содержание судебного предписания, а главное – его исполнимость. Ведь это вопрос не только ответственности нелояльной стороны, но благополучия самой Конвенции.

Не страдает разве ее репутация, когда в европейском пространстве, отведенном конвенционному правосудию, плохо справляются с исполнением судебных решений и сохраняются очаги открытого несогласия или молчаливого равнодушия со скрытой нелояльностью? И разве риск выхода или изгнания из Конвенции нелояльного государства, а тем более реальное отпадение кого-либо из участников грозит потерями только им и вовсе не вредит конвенционной системе? А если и представить, что небольшая чистка от «несистемных» государств обещает ей больше последовательности, готова она уплатить эту цену за общую безмятежную себе лояльность? Останется ли верна себе Конвенция с ее европейскими гуманитарными ценностями, если во имя системного благополучия граждане отпавших государств потеряют судебную защиту и останутся наедине со своими национальными властями, свободными от конвенционных обязательств?

Известно, что в оценке значения конвенционных норм ЕСПЧ опирается на принципиальное правило *pacta sunt servanda*, в силу которого государства должны добросовестно исполнять положения

Конвенции, признавая и обязательность судебных постановлений по делам с их участием. При этом Суд полагает, что Венская Конвенция о праве международных договоров (ст. 27), запрещая государствам ссылаться на свое национальное право как обстоятельство, освобождающее их от исполнения действующих международных договоров, не дает преимущества перед Европейской Конвенцией даже национальным конституциям – их высшая юридическая сила позволяет им преобладать лишь над своим национальным правом. С этой позиции ЕСПЧ уверенно настаивает на том, что нормы Конвенции простираются на все акты и меры безотносительно к их правовой природе, и никакая часть национальной правовой системы государства-участника не свободна ни от конвенционно-судебной проверки, ни от обязанности демонстрировать конвенционную толерантность применительно ко всей своей «юрисдикции», пусть она и создана самой конституцией⁵.

Не все, однако, поддержат это мнение. Знаки несогласия с той трактовкой, где конвенционный и конституционный правопорядок представлены в отношениях выраженной иерархии, несложно найти в решениях конституционных судов Австрии, Германии, Италии, Литвы, Турции и других стран [9]. Из них никто не откажется от поиска приемлемых средств в достижении разумного компромисса с ЕСПЧ во избежание конфликтов национального права с международным, но применительно к исполнению постановлений ЕСПЧ они вряд ли согласятся с тем, что этим актам обеспечен полный, безоговорочный приоритет перед конституционными установлениями. Иногда эти страны склонны следовать решениям Суда в очень взвешенном и осторожном сопряжении с национальным правопорядком, особенно там, где речь идет о его конституционных основах. В частности, Конституционный Суд Литовской Республики в Постановлении от 5 сентября 2012 г. № 8/2012 по делу «О соответствии пункта 5 (в редакции от 22 марта 2012 года) статьи 2 Закона Литовской Республики “О выборах в Сейм”» Конституции Литовской Республики» отметил, что в случаях, когда правовое регулирование, введенное международным договором, ратифицированным Сеймом, конкурирует с регулированием, закрепленным в Конституции, положения такого международ-

⁵ Постановления ЕСПЧ от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции», от 2 марта 2010 г. по делу «Аль-Саадун

(Al-Saadoon) и Муфди (Mufdhi) против Соединенного Королевства», от 12 сентября 2012 г. по делу «Нада (Nada) против Швейцарии» и др.

ного договора не обладают приоритетом в правоприменении; решение ЕСПЧ само по себе не может служить основанием для переосмысления (корректировки) официальной конституционной доктрины (её отдельных положений), если указанное переосмысление, в отсутствие соответствующих поправок в Конституцию, меняет существо конституционного регулирования. Не отрекаясь от конвенционных идеалов защиты свобод, часть европейских стран не спешит поддержать концептуальные притязания Страсбургского Суда во всей их полноте; они нечасто входят в открытый по этому поводу спор, но едва ли согласятся дать его решениям абсолютный иммунитет, который поставил бы их откровенно выше конституционного правопорядка.

Что касается Российской Федерации, то из правовых позиций, изложенных её Конституционным Судом в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, следует, что применительно к российским конституционным реалиям ни сама Европейская Конвенция, ни тем более акты ЕСПЧ по её истолкованию и применению, попадая в российскую правовую систему, не могут быть свободны от верховенства Конституции – имплементация международных договоров, исполнение актов международного правосудия не отменяют ни российского суверенитета (ч. 1 ст. 4), ни высшей юридической силы Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), включая конституционный запрет участия России в международных договорах, если оно влечёт ограничение прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам конституционного строя (ст. 79); обязанная соблюдать свои международные договоры, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация вместе с тем должна обеспечить в собственной правовой системе верховенство Конституции, что вынуждает её отдать в коллизиях предпочтение конституционным предписаниям и не следовать постановлению ЕСПЧ буквально, если его реализация противоречит конституционным установлениям, притом что российская Конституция и Европейская Конвенция покоятся на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина.

В Российской Федерации не сомневаются в том, что между Конституцией России и Европейской Конвенцией в их аутентичном смысле нет расхождений, способных породить проблемы совместимости конвенционного и конституционного регулирования

прав и свобод человека и гражданина, поскольку в основе каждого из них лежат общие базовые ценности [10, с. 535]. Российская Федерация не могла бы в нарушение конституционных правил заключения международных договоров войти в Конвенцию, имея веские основания ожидать, что разногласия между её Конституцией и Европейской Конвенцией исключены – до тех пор, по крайней мере, пока соответствующие конституционные или конвенционные установления не претерпят прямых, непосредственных изменений.

Основные трудности имплементации или, как сейчас говорят, «одомашнивания» (*domestication*) конвенционных положений для России связаны не с Конвенцией как таковой, а с её истолкованием в постановлениях ЕСПЧ. Трудности эти не носят устойчивого и масштабного характера; двадцатипятилетняя история деятельности Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что Страсбургский Суд, принимая свои решения, обычно избегает прямых коллизий с российским конституционным правопорядком и в подавляющем большинстве случаев не дает поводов ставить вопрос об организации их исполнения.

Сложнее обстоит дело в ситуациях, когда ЕСПЧ активно использует такие инструментальные средства, как «право эволютивного толкования», обязательность «европейского консенсуса», «пределы национального усмотрения» и т. д., а его постановления вступают в противоречие – действительное или мнимое – с Конституцией РФ и правовыми позициями российского Конституционного Суда. Прибегая к упомянутым инструментам, ЕСПЧ нередко фактически подменяет интерпретацию положений Конвенции самостоятельным выводением «общеевропейских» стандартов на основе преобладающих (преобладающих) национальных практик⁶. И хотя сам он склонен видеть в европейском консенсусе преимущественно дополнительный фактор, который влияет на оценку пределов усмотрения государств-участников, соотношение таких пределов с представлениями, получившими распространение в большинстве, зачастую незначительном, европейских стран, представляется далеко небезупречным, так как вряд ли уяснение существа конвенционных гарантий может иметь своим основанием «арифметическую» предпочтительность тех или иных вариантов их текущего законодательного обеспечения в национальных юрисдикциях европейского континента

⁶ Постановления ЕСПЧ от 12 ноября 2008 г. по делу «Демир (Demir) и Байкара (Baykara) против Турции», от 10 марта 2011 г. по делу «Киютин против

России», от 26 мая 2011 г. по делу «R.R. против Польши» и др.

нента. Число таких ситуаций весьма незначительно, но именно они вызывают повышенный интерес в плане оценки обязательности решений Страсбургского Суда. Иллюстрацией тому служат постановления ЕСПЧ, вынесенные по делам «Константин Маркин против России» (22 марта 2012 г.) и «Анчугов и Гладков против России» (4 июля 2013 г.).

В первом деле ЕСПЧ признал непропорциональным и дискриминационным отсутствие у военнослужащего-мужчины права на отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, притом что такое право предоставлено женщинам-военнослужащим. Он посчитал, что изъятие российским законом мужчин из числа военнослужащих, имеющих соответствующее право, основанное на одном лишь признаке половой принадлежности и автоматически применяемое ко всем военнослужащим мужского пола, независимо от каких-либо обстоятельств (рода службы, должностного положения, возможности замены и др.), нарушает ст. 14 («Запрещение дискриминации») в совокупности со ст. 8 («Право на уважение частной и семейной жизни») Европейской Конвенции. Попутно ЕСПЧ дал довольно резкую критику Определению от 15 января 2009 г. № 187-О-О, в котором Конституционный Суд РФ не усмотрел нарушения конституционных прав К.А. Маркина и конституционного равноправия мужчин и женщин, мотивируя свое решение весьма ограниченным участием женщин в несении военной службы, а также особой социальной ролью материнства. В итоге, когда Маркин на основании постановления ЕСПЧ обратился в российский суд за пересмотром его дела, тот встал перед непростым выбором между расходящимися позициями Страсбургского и Конституционного судов, высказанных ими в отношении закона, не предусматривающего отпуска для ухода за малолетними детьми для военнослужащих-отцов. Разрешать этот вопрос пришлось в конечном итоге в конституционном судопроизводстве.

В Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П Конституционный Суд, имея в виду, в том числе, хронологию дела Маркина К.А., объявил, что окончательное решение ЕСПЧ в части, констатирующей нарушение конвенционных прав заявителя и присуждающей ему компенсацию, подлежит исполнению. Применительно же к пересмотру дела заявителя Конституционный Суд заметил, что если ЕСПЧ связывает нарушение конвенционных прав с положениями российского законодательства (притом что до принятия постановления ЕСПЧ Конституционный Суд не усмотрел по жалобе того же заявителя нарушения его конституционных прав теми же законопо-

ложениями), то не исключается проверка их конституционности в установленном порядке, если суды, пересматривая дело, придут к выводу о невозможности исполнить постановление ЕСПЧ без дисквалификации Конституционным Судом законоположений, в которых он ранее не выявил нарушения конституционных прав заявителя. Кроме того, специально было отмечено, что Конституционный Суд России, признавая такие законоположения конституционными, связан обязанностью определить возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ. Таким образом, что бы ни говорили впоследствии по этому поводу в различных собраниях и публикациях [11], по «делу Маркина» Конституционный Суд не объявлял и не подразумевал, ни прямо, ни косвенно, никакого отказа от обязательности постановлений Страсбургского Суда.

Однако в случае с постановлением ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» Конституционный Суд уже не мог полагаться лишь на прежние свои позиции и был вынужден существенно их скорректировать, адаптировав к решению прежде не встававших перед ним вопросов, связанных с исполнением страсбургских решений. Как известно, в упомянутом постановлении ЕСПЧ с опорой на свою «эволютивную» прецедентную практику в области избирательных прав, которую он прежде излагал со значительными вариациями по делам «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (№ 2), «Фродль (FrodI) против Австрии» и «Скоппола (ScorpolA) против Италии» (№ 3), посчитал, что неучастие в голосовании граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, предусмотренное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, нарушает их право на участие в выборах органов законодательной власти, гарантированное ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку такой запрет носит абсолютный характер и сплошным образом охватывает всех этих лиц. Попутно ЕСПЧ предложил российским властям удалить из правовой системы конституционное ограничение избирательных прав, предусмотренное в отношении всех, кто отбывает наказание в виде лишения свободы, позволив России решить на выбор – исполнить это в «какой-либо форме политического процесса» или же в судебном истолковании, чтобы предписанная интерпретация вывела ст. 32 российской Конституции из «коллизии» с Конвенцией, которую обнаружил ЕСПЧ.

Нетрудно заметить, что такая коллизия конвенционных и конституционных установлений существует именно в истолковании, которое Страсбургский Суд дал ст. 3 Протокола № 1. Такая интерпрета-

ция не следует из конвенционного описания обязательств, согласованных сторонами, и представляет собой довольно шаткое суждение, полученное не в истолковании, а в создании неизвестных Конвенции обязательств. Едва ли текст Конституции получил бы поддержку Венецианской комиссии, проводившей по просьбе Комитета министров Совета Европы его углубленное изучение, по итогам которого она дала одобрительное Окончательное заключение от 16 марта 1994 г., если бы ч. 3 ст. 32 Конституции РФ вопреки Европейской Конвенции устанавливала неконвенционное ограничение в отношении осужденных к лишению свободы. В английской лексике, кстати, слово *construction* двусмысленно и означает как создание (сотворение, конструирование), так и толкование (интерпретацию), и суждения ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков» изложены больше в первом, нежели во втором значении. Впрочем, в английском изложении Конвенции ст. 32 с исчерпывающей определенностью и вполне однозначно поручает ЕСПЧ не *construction*, а именно *interpretation* – истолкование конвенционных положений.

Устанавливая предосудительный, по мнению ЕСПЧ, запрет, ч. 3 ст. 32 Конституции РФ являет собой полную определенность нормативного своего содержания и образец недвусмысленного прямого конституционного регулирования. Сам ЕСПЧ при всей гибкости своей техники интерпретации и свободе суждения, которую он практикует, вынужден был признать, что ничего, кроме отстранения от участия в выборах лиц, отбывающих по приговору суда уголовное наказание в местах лишения свободы, это конституционное положение не допускает. Когда ЕСПЧ понимает это с полной определенностью и открыто о том объявляет по делу «Анчугов и Гладков против России», не остается ничего иного, кроме того, что этот Суд настаивает на исполнении своих актов вопреки российской Конституции и требует дать приоритет своим суждениям, полученным в свободном инклюзивно-эволютивном истолковании, над самой Конституцией РФ. Россия не брала на себя таких обязательств ни при подписании или ратификации Конвенции, ни впоследствии, и не поручала институтам Совета Европы управлять своей конституционной судьбой.

Думается, что как раз эта решимость ЕСПЧ «подчинить» своим решениям саму российскую Конституцию повлияла на решение группы депутатов Государственной Думы направить в Конституционный Суд запрос, где они просили проверить конституционность положений федеральных законов, обязывающих российские власти к принятию мер во

исполнение постановлений Страсбургского Суда. Заявители настаивали на том, что Россия не может быть связана этими мерами безотносительно к тому, как они соотносятся с Конституцией и правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

В принятом по данному запросу Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд констатировал, что сосуществование европейского и конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, и только диалог между этими правовыми системами дает основу их надлежущего равновесия; на это должна быть ориентирована и деятельность ЕСПЧ как межгосударственного субсидиарного судебного органа; неуважение национальной конституционной идентичности государств-участников негативно влияет на эффективность Конвенции о защите прав человека и основных свобод во внутригосударственном правопорядке; ЕСПЧ не может игнорировать базовые элементы конституционной идентичности в части фундаментальных прав и свобод, как и нормы об основах конституционного строя, гарантирующие эти права и свободы; совместные усилия позволяют снизить вероятность конфликта между национальным (конституционным) и европейским (наднациональным) правом, оптимизировать эффективность конвенционной системы защиты прав и свобод человека и гражданина при сохранении конституционного суверенитета. Даже те, кто выступил с критикой этого Постановления, все же признают, что оно способствовало адекватному восприятию ЕСПЧ как наднационального органа, который не является суперконституционным судом и не обладает прерогативами вертикального воздействия на органы конституционного правосудия [12, с. 162].

Отталкиваясь от этих соображений, Конституционный Суд РФ посчитал возможным заключить, что если постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, такое постановление, по смыслу ст. 4 (ч. 2), 15 (ч. 1 и 4), 16 (ч. 2) и 79 Конституции, не может быть исполнено. Это означает, что в случае, когда органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относятся меры по исполнению Конвенции как международного договора, полагают, что постановление ЕСПЧ противоречит действующему конституционному регулированию, а решения и действия по его исполнению могут привести к нарушению положений Конституции РФ, перед ними объективно встает вопрос о действительном значении соответствующих консти-

туционных положений в ракурсе международных обязательств России.

Юридическая природа такого вопроса с определенностью требует его решения в конституционном судопроизводстве; иное расхотилось бы со статусом Конституционного Суда РФ (ст. 118 (ч. 2), 125 Конституции РФ), поскольку единственной причиной неисполнения постановления ЕСПЧ может быть признано только его противоречие Конституции РФ, которое установить или опровергнуть вправе именно Конституционный Суд РФ. Исходя из этого Конституционный Суд сделал принципиальный вывод, что государственные органы, в том числе суды, на которые возложено принятие мер во исполнение постановлений ЕСПЧ, при выявлении обоснованных сомнений относительно их «неконституционности», обязаны инициировать по этому поводу конституционное судебное разбирательство, основания и условия которого должна определить федеральная законодательная власть.

Следующим заметным шагом в «диалоге» конституционной и конвенционной юрисдикций стало Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П⁷ по запросу Министерства юстиции РФ, где Конституционный Суд, следуя своим правовым позициям, установил невозможность исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» в части мер общего характера применительно к такому изменению законодательства о выборах, которое позволяло бы отменить общее ограничение активного избирательного права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, что означало бы прямое нарушение Конституции. Данное решение стало первым судебным актом, вынесенным Конституционным Судом в порядке, предусмотренном ст. 104¹, 104² и 104³ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которыми Суд в соответствии с Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ⁸, принятым во исполнение Постановления Конституционного Суда от 14 июля 2015 г. № 21-П, был наделён полно-

мочиями рассматривать дела о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

В то же время, полагая максимально важным в рамках российской Конституции учитывать правовые позиции ЕСПЧ в конструктивном с ним взаимодействии по вопросам судебной защиты прав и свобод, Конституционный Суд признал возможным исполнение постановления по делу «Анчугов и Гладков против России» в части, касающейся дифференцированного, соразмерного и индивидуализированного ограничения избирательных прав и, как следствие, обязывающей законодательную власть и судебную практику не допускать назначения наказания в виде лишения свободы (а тем самым и ограничения права голоса на выборах), не отвечающего требованиям пропорциональности и справедливости. В дополнение Конституционный Суд заметил также и то, что федеральный законодатель, реализуя в уголовном праве принцип гуманизма, не лишён возможности оптимизировать систему уголовных санкций, в том числе перевести отдельные режимы отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказания, хотя и связанные в интерпретации ЕСПЧ с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничения осуждённых в праве голосовать на выборах.

Вместе с тем Конституционный Суд уклонился от оценки допустимости такого способа исполнения решения по делу «Анчугов и Гладков против России», который состоял бы в несоблюдении и тем более в изменении (пересмотре) Конституции РФ. Это «молчание» имеет ясный смысл, и дело, конечно, состоит не в одном лишь отсутствии специального закона, определяющего порядок пересмотра Конституции РФ (ч. 2 ст. 135). Главное в том, что Конституционный Суд обязан обеспечить Конституции правовую охрану, а не искать в ней изъяны и способы ее поменять. Будь иначе, конституционное правосудие отступило бы от своего истинного предназначения, а судейство усомнилось бы в присяге, посредством принесения которой судьи, вступая в должность,

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции

Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

⁸ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.

обещают подчиняться «только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более».

Нелишне учесть, что в разных частях российского общества время от времени оживают неясные, но настойчивые настроения решительных конституционных перемен. Пока что политики, общественные деятели, юристы и прочие граждане рассуждают об их благотворных последствиях довольно безвредно. Но в эпицентре этой полемики все заметнее надежды на институционализацию «сильной власти», чтобы крепкая державность вышла из-под верховенства права на волю и не так напоминала бы избыточную конституционную демократию. В той же среде находят полезным возродить государственную идеологию, отказать нормам международного права в преимущественном применении, восстановить смертную казнь и т. п. На этом фоне небезынтересно отметить, что по результатам проведенного социологической службой Санкт-Петербургского государственного университета – в рамках подготовки по просьбе судьи-докладчика Конституционного Суда заключения о возможности исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» – всероссийского опроса 82 % респондентов заявили об отрицательном отношении к отмене предусмотренного ч. 3 ст. 32 Конституции РФ запрета и предоставлении гражданам (какой-либо их части), содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, активного избирательного права. В такой обстановке пересмотр российской Конституции сопряжен с вероятностью отторжения важных конституционных ценностей, что стало бы бедствием для прав и свобод человека, которыми искренне, может быть, дорожит ЕСПЧ, включая, наверное, права российских граждан.

Не соглашаясь на слишком гибкое истолкование ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, чтобы исполнить по-

становление ЕСПЧ в «гармонии» с его установками по делу «Анчугов и Гладков против России», Конституционный Суд не стал обсуждать и даже упоминать возможность пересмотра Конституции. Известно, что не все благие намерения ведут ко благу, и, может быть, важно дорожить не только «конвенционными» планами общего переустройства, чтобы не ставить под угрозу деформации и разрушения тот конституционный строй, который в России, пусть и не в абсолютной мере (хотя разве может быть конституционный абсолют в принципе достижим?) все-таки состоялся [13].

В заключение снова заметим, что гарантированное гражданам право на судебную защиту с обращением в органы наднациональной юрисдикции, в том числе по Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предполагает обязанность государства сделать все возможное для организации исполнения решений ЕСПЧ. Отступление от обязательности его постановлений недопустимо во всяком случае, когда они позволяют себя исполнить и, в частности, не вынуждают участника Конвенции оторваться от своих конституционных основ или непростительно ими рисковать. И конечно, всем, кто считает важным предупредить и уладить конституционно-конвенционные разногласия (конфликты), ничто не мешает в общем поиске верных средств и решений. Думается, что отмеченное обстоятельство не останется без учёта Конституционного Суда России при рассмотрении поступившего 13 октября 2016 г. в его адрес запроса Министерства юстиции РФ, в котором оно поставило вопрос о невозможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по делу «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в части выплат сумм компенсации, присужденной акционером данной компании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армашова А.В. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека в России: современные проблемы теории и практики / А.В. Армашова // Образование и право. – 2010. – № 2. – С. 7–42.
2. Апостолова Н.Н. Приемлемость и исполнение решений Европейского Суда по правам человека / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 64–67.
3. Маврин С.П. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 6. – С. 1–6.
4. Шуберт Т.Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство / Т.Э. Шуберт // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 136–143.
5. Морщакова Т.Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской Конвенции по правам человека / Т.Г. Морщакова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 2. – С. 182–189.
6. Арановский К.В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия / К.В. Арановский // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 3. – С. 1–10.

7. Старженецкий В.В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем / В.В. Старженецкий // Международное правосудие. – 2013. – № 3. – С. 64–77.
8. Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма / Г. Тойбнер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 41–55.
9. Бушев А.Ю. Субсидиарная роль Европейского Суда по правам человека: пределы усмотрения и национальный суверенитет, критерий явной очевидности / А.Ю. Бушев // Права человека. – 2016. – № 4. – С. 18–21.
10. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика / В.Д. Зорькин. – М., 2017. – 592 с.
11. Вайпан Г.В. От догматики к прагматике: постановление Конституционного Суда Российской Федерации по «делу Маркина» в контексте современных подходов к соотношению международного и национального права / Г.В. Вайпан, А.С. Маслов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 127–137.
12. Бланкенгель А. В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд Российской Федерации и дело об обязательности решений Европейского Суда по правам человека / А. Бланкенгель, И.Г. Левин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5. – С. 152–162.
13. Князев С.Д. Стабильность Конституции и её значение для современного российского конституционализма / С.Д. Князев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4–12.

REFERENCES

1. Armashova Execution of decisions of the european court under human rights in russia: modern problems of the theory and practice. *Obrazovanie i pravo = Education and the Law*, 2010, no. 2, pp. 7–42. (In Russ.).
2. Apostolova N.N. Acceptability and implementation of the decisions of the European Court of human rights. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2011, no. 11, pp. 64–67. (In Russ.).
3. Mavrin S.P. The decisions of the European Court of Human Rights in the legal system of Russia. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2015, no. 6, pp. 1–6. (In Russ.).
4. Schubert T.E. Problems of ECHR Decisions Implementation into Domestic Law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 6, pp. 136–143. (In Russ.).
5. Morshchakova T.G. Constitutional and judicial implementation of the European Convention on human rights. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2016, no. 2, pp. 182–189. (In Russ.).
6. Aranovsky K.V. Conditions of harmonization of practice of supranational and constitutional justice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, no. 3, pp. 1–10. (In Russ.).
7. Starzhenetsky V. International courts and transformation of national legal systems. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2013, no. 3, pp. 64–77. (In Russ.).
8. Teubner G. The project of constitutional sociology: irritating nation state constitutionalism. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2016, no. 1, pp. 41–55. (In Russ.).
9. Bushev A.Yu. The Subsidiary role of the European Court of human rights: the limits of the discretion of renum and national sovereignty, the criterion of the bleeding obvious. *Prava cheloveka*, 2016, no. 4, pp. 18–21. (In Russ.).
10. Zorkin V.D. *The constitutional Court of Russia: doctrine and practice*. Moscow, 2017. 592 p.
11. Vaypan G.V., Maslov A.S. From dogma to pragmatics: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on the "case Markin" in the context of modern approaches to the interrelation between international and national law. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2014, no. 2, pp. 127–137. (In Russ.).
12. Blankenagel A., Levin I.G. In principle, no... but yes, it is possible! The Russian Constitutional Court and the binding power of decisions of the European Court of Human Rights. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2015, no. 5, pp. 152–162. (In Russ.).
13. Knyazev S.D. Stability of the Constitution and significance thereof for the modern Russian federalism. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арановский Константин Викторович – судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права *Дальневосточный федеральный университет* 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
AuthorID: 261768

Князев Сергей Дмитриевич – судья Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права *Дальневосточный федеральный университет* 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
AuthorID: 344659

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Арановский К.В. Конституционные основы исполнения постановлений ЕСПЧ в правовой системе Российской Федерации / К.В. Арановский, С.Д. Князев // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 139–150. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(1).139-150.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aranovskiy Konstantin V. – Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova ul., Vladivostok, 690091, Russia
AuthorID: 261768

Knyazev Sergey D. – Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova ul., Vladivostok, 690091, Russia
AuthorID: 344659

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aranovskiy K.V., Knyazev S.D. Constitutional foundations of the execution of the ECtHR judgments in the legal system of the Russian Federation. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 139–150. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).139-150. (In Russ.).